

У ПРЕЙСКУРАНТ НА ОДИНОЧЕСТВО

СЕРИЯ АнтиХаос

Михаил ФОРР

16+

Михаил Форр

Прейскурант на одиночество

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Форр М.

Прейскурант на одиночество / М. Форр — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-98670-1

Анну, встретившую своего нового спутника - психолога Игоря, мучают постоянные ночные кошмары необычайной силы и неизвестной причины. Случайно познакомившись с соседями, Анна узнает о существовании уникального артефакта - Индальгенции на одиночество. История документа включает в себя несколько веков. Манускрипт успевае побывать в руках многих исторических личностей. Поможет ли он обрести личное счастье тем, кто им владеет?

ISBN 978-5-532-98670-1

© Форр М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

"Шаг". Вместо пролога	5
Часть 1. "Эмоции на исходе"	6
Пролог 1 части. "По пути... Начало пути"	6
Глава 1. "Заказ"	7
Глава 2. "Прятки с прошлым"	11
Глава 3. "Добрый вечер!"	15
Глава 4. "И спокойной ночи!"	19
Глава 5. "За и против"	22
Глава 6. "Без тебя"	26
Глава 7. "Гаврилов"	30
Глава 8. "Милый дом"	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Форр

Прейскурант на одиночество

"Шаг". Вместо пролога

Без тебя моя жизнь, как и эта книга имела бы совсем иной сюжет.

– Никто свободы нашей не нарушит...

– Мы снова одиноки в этот вечер...

– Давай обнимем крепко наши души!

– Наверное, прощай?

– Скорей, до встречи!

Соглашаясь на долгий и серьезный путь к очередному пункту назначения, мы, наверное, подходим к какому-то безусловному краю наших ежедневных, давно привычных ощущений. И почему-то твердо знаем: оставаться на одном месте уже нельзя. В этот момент всякое утверждение о твоей рациональности становится, наверное, спорным. Ты просто знаешь: нужно уходить.

А в движение, тебе о твоей недавней нерешительности и вспоминать не хочется. Все объяснимо: новые ощущения, впечатления. Новые цели. Останется только определиться со спутниками. Ведь, мы совсем не желаем двигаться куда-то в одиночестве. Нам почему-то рядом просто необходимы те, кто нас поймет и по пути оценит наши невероятные усилия и жертвы. Это тот или та, с кем каждый новый шаг будет для нас осмысленным уже сегодня. Ведь будущего еще не существует...

Часть 1. "Эмоции на исходе"

Пролог 1 части. "По пути... Начало пути"

«Объявляется посадка на рейс номер...» Аня радостно шла в сторону автобуса, который должен был отвезти к самолету. Неважно, что там ждет, ведь верно? Но как он, вообще, уговорил ее на этот безумный шаг?

Шутка ли – другой конец света. Буквально. Страна антиподов. Полет больше суток и с несколькими пересадками. И тремя авиакомпаниями.

Кто-нибудь в принципе представляет этот Окленд? Аня знала про него только строчку из бардовской песни про пиратов...

Кто там был? Какие люди живут? По сути это полет в точку на другой стороне глобуса, где вместо зимы – лето и наоборот.

А вместо беды – конечно же, счастье. Земля, где все меняется. Порой так не хватает подобных мест...

Новая предполетная суета и мелькание толпы опять напоминали Аняте о переменчивости и скоротечности всего происходящего. И о тех далеких событиях почти годовой давности.

Как быстро летит время! А казалось, что все было только вчера...

Глава 1. "Заказ"

Стало совсем трудно работать. Во-первых, множество желающих продать при одновременно катастрофически уменьшающемся числе приобретателей. Оно и понятно.

Или нет денег, или уже накуплено товара на сто-двести лет вперед. Ведь не раз давал себе зарок: соваться второй раз туда, где уже был, нет никакого смысла. Бывают, конечно, исключения. А так каждый день торговли проходит чуть ли не с боем.

Вот и сейчас с трудом избежал стычки – встретил по дороге сюда еще двух конкурентов. Насилу убедил их без кулаков не идти всем в одно и то же место. Как стадо баранов. Прости Господи. Хорошо, что отступили. Послушались.

А ведь Лохбахбург был, пожалуй, одним из немногих оставшихся городков, где еще верили не только в бога, но и в слова, произнесенные от имени его. Вот прямо по пальцам можно было пересчитать такие чудо-поселения.

Кейцель даже хотел обойти городишко стороной, чтобы оставался хотя бы один такой оплот «нетронутости» про запас. Но усмотрев своих конкурирующих братьев-доминиканцев, полностью изменил свои миролюбивые планы.

В конце концов хороший базарный день в нашем благочестивом начале шестнадцатого века да в нетронutom провинциальном месте кормил его целый месяц, а в лучшие времена и все три. Конечно, сейчас времена похуже, но все-таки Лохбахбург все еще казался именно таким *paradisum*¹.

А теперь стой и пожинай плоды. Голос хорошо поставлен, текст понятен и выверен. И огромная очередь до полудня – это ли тому не подтверждение? Сейчас, конечно, толпа поредела.

И все же в этот знойный день – это больше, чем результат. Вон как звенит сундучок для монет с ляжкой через плечо. А сумка с бумагами, напротив, почти истощилась. Но есть еще запасы, есть:

– Свято-о-ой това-а-ар! На любо-о-ой коше-е-ель! Индульгенции на всякий грех! Подумайте о себе сами, ну а мы уже подумали о вас! Рай ждет вашу душу! Свято-о-ой това-а-ар!

Кейцель сейчас пожалел, что отпустил своего молодого помощника с их единственным транспортом – длинноухим ослom. Такой удобный ходячий склад. Впрочем, дела превыше всего – всяко нужно было сгрузить казну в епископат и пополнить запас «товара».

Ну а после на этом ослике-то помощник быстро нагонит монаха по дороге. Время, конечно, беспокойное, чтобы блуждать по тропкам в одиночку, но бог даст – обойдется.

На многих насмотрелся он во время своих походов. Все разные, а грехи были как под копирку. Недаром формулировки-то в индульгенциях вполне можно было подобрать под любые, даже особые обстоятельства. Ну или почти.

Как говорится «*a culpa et rena*»². На убийства брали редко – это все, знаете ли, скорее «на всякий случай» для особо предусмотрительных. И стояли такие прощения больше сотни серебром. Золотом, конечно, поменьше.

А вот увечья, кражи, мошенничества – сплошь и рядом. И вполне доступны. Да и прелюбодеяния плюс прочие грехи «плоти». На них требовалось около тридцати монет.

Если там у вас с инцестом как-то само согрешилось или вдруг случайное недоразумение с мужеложескими наклонностями – вот здесь, казалось, потребовалась бы *indulgentia plenaria*³. Дорого? А вот и нет – всего лишь десяток дополнительных талеров.

¹ Рай (перевод с латинского).

² От вины и наказания (перевод с латинского).

³ Полное прощение (перевод с латинского)

Ну а все больше приходилось торговаться с грехами простыми – на снадобье для изгнания плода или сожительство без святого благословения. Эти-то совсем дешевые. Да и что за грех-то такой – убийство нерожденного? Его же все равно еще нет! Разве сравнить с ересью или колдовством? Но ведь и для последних цена найдется.

Как у его импровизированного «прилавка» очутилась эта молодая особа с грустными карими глазами оттенка созревшего зимнего пива, Кейцель так и не мог припомнить.

Скромно приблизившись, она поклонилась коротким кивком своей достаточно красивой головки и, потупив взор, замерла. Почти совершенство.

Ее немного портили ранние морщинки – результат бессонных ночей или расстройства от какого-то иного горя. Наконец женщина вновь устремила взгляд на монаха и ладно заговорила с каким-то отчаянным и благоговейным придыханием.

Было очевидно, что она сильно волнуется – складывалось впечатление, что прихожанка очень не хочет произносить все сказанное при пусть и немногочисленных, но зрителях:

– Святой отец! Меня зовут Магдалена. Я содержу лавку здесь же, неподалеку. У меня к вам просьба. Я очень-очень прошу меня выслушать, – и, увидев кивок монаха, которому уже надоело драть собственное горло, продолжила:

– Дело в том, что моя прабабушка всю жизнь была одинока даже тогда, когда принесла в подоле мою бабушку.

Бабка моя так и не вышла замуж, но родила матушку. Мать же в свою очередь осталась вдовой очень рано – Vater⁴ мой скончался через месяц после их свадьбы, так меня вживую и не лицезрев. Нужно ли говорить, что не была знакома с ним и я.

В нашей женской династии не смог прижиться ни один представитель рода Адама. Я же не то чтобы не хотела найти себе жизненного друга и законного супруга, да только боюсь и даже уже не знаю, с какого края подойти к этому вопросу.

Значит, лежит на нашем роду какое-то проклятье от самой Прародительницы Евы или же Господь желает совсем нас извести. А более всего во мне крепкая вера, что одиночество – этакий наш родовой удел.

И я, привыкнув к этой мысли, вдруг стала совсем покойна – знать, не нужны мне эти замужества и не хочу я даже малых детей. А ведь это же грех какой, что жить так вознамерилась?

Не монашка, не христова невеста. Вот и задумала я приобрести у вас, Святой отец, особое прощение. Спасение для нашего рода – индульгенцию на одиночество.

Мне прямо и видение такое во снах было. Нескольких. Я очень прошу мне помочь! – голос говорящей заметно срывался на фальцет. Ее отчаянье и слезы вряд ли могли бы разжалобить профессионального квестария⁵.

Но несгибаемый Кейцель все-таки почувствовал комок в горле. Магдалена снова залопотала, переходя совсем на какую-то скороговорку. Как будто боялась, что прервут, и она недоскажет что-то очень-очень важное:

– И здесь одно из двух должно случиться. Или простится мне грех моего желания остаться одной. Или же, напротив, снимется, наконец, многолетняя анафема⁶ с нашего женского рода, и мужское начало войдет-останется среди нас для меня и моих потомков. Благословите мой порыв, Святой отец! Продайте мне такую бумагу. Вот. Здесь половина...

И в прикрытый рясой животик святого продавца внезапно уткнулся полный радостной тяжести кожаный мешочек-кошель на веревочных завязках. Было очевидно, что женщина с трудом удерживает свою ношу на вытянутой руке.

⁴ Отец (перевод с немецкого).

⁵ Продавец индульгенций.

⁶ Проклятие (устаревшее).

Деньги явно не придавали ей силы, и кисть ее медленно опускалась, как бы нехотя отстраняясь от монаха. Вероятно, исключительно для того, чтобы помочь, Кейцель подхватил мешочек снизу и потянул его к себе:

– Дочь моя, во исполнение многих милостей Господа нашего хочу сказать тебе, что ты обратилась в самое лучшее место. И жертва твоя достигнет своей цели.

Ибо ничего не может помешать тем, кто верит в Бога, любить его. А тем, кто любит его, поможет и оплатить прощение сообразно величине грехов своих.

Ибо сказано в Священном Писании: «Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник – помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив».⁷

Однако есть в твоей просьбе и сложности. Ибо все мои индульгенции освящены самым Святым престолом. И я рад бы сразу отдать тебе, дочь моя, ту, что подходила бы для твоего случая.

Но у меня нет бумаги с таким Заглавным словом, какое ты для себя ищешь, – «Индульгенция на одиночество». И она может появиться исключительно с благословения самого Главы Святой церкви, преодолев долгий и дальний путь через монастыри, аббатства, епископаты и близких ему кардиналов. Туда и обратно. И все это, думаю, займет почти год.

Однако радуйся, благочестивая! Именно сегодня я могу тебе предложить искупление от Архиепископской или даже Папской анафемы, включающее и такой грех, как твой.

И вторую бумагу с избавлением от Папского проклятия, так и быть, уступлю по цене первой. Ты получишь ее прямо здесь и вряд ли найдешь другую такую ближе и дешевле, чем у меня.

Словом, любая из них и будет тебе стоить ровно ту сумму, которую ты сейчас уже передала в надежные руки Святой церкви в моем лице. Плюс вторая половина денег, которую ты намеревалась немедленно оплатить, сразу получив искомое, дочь моя, – взгляду какого-нибудь опытного интригана было бы очевидно, что монах крайне радовался своей смышленности.

Эти две формулировки в индульгенциях крайне редко пользовались спросом – вряд ли архиепископ и тем более Папа Римский вообще знали о существовании Лохбахбурга, а тем более успели осмысленно проклясть кого-то из его обитателей. Но носить эти листы с собой приходилось наравне с пользующимися спросом. Что поделаешь – таков ассортимент.

Монаху очень не терпелось продать все это по совсем немислимой двойной цене. И даже, возможно, на несколько месяцев «выйти из игры» – провести время в пасторальных молитвах где-нибудь в районе альпийских лугов у знакомой матери-настоятельницы одного отдаленного женского монастыря. Исповедуя и наставляя здесь многочисленных неопытных послушниц самого сублильного возраста.

Подальше от невыносимого смрада и нравов больших городов. Представляя картины намечающихся «райских куш», бескорыстный служитель церкви начал заметно жмуриться.

Тем неожиданнее прозвучал и ответ скромной, но сметливой и, видимо, достаточно образованной лавочницы. В этот момент многим на узкой рыночной площади показалось, что не монах ей, а она Кейцелю что-то продавала:

– Простите еще раз меня, Святой отец! Но я не смогу принять то, что не предназначено для моего ничтожного случая. Не дело взваливать на себя такую знаменательную часть Божеского прощения, как индульгенция, даваемая при Папской анафеме.

Ни моя жизнь, ни судьбы моих предков еще не пришли в своем пути к этому торжественному моменту, а значит, и воспользоваться им было бы крайне несправедливым по отношению к настоящим грешникам, взаправду коснувшимся внимания и проклятия со стороны столь высоких особ Святой католической церкви.

⁷ Библия, Книга Исаия. Глава 55. Стих 7.

И хотя я буду считать каждый Божий день этого объявленного вами года, но разве не смирение и терпение приводят к настоящему прощению и воздаянию.

Я не вполне уверена, что Святой престол обратит внимание на мой несчастный род. Но если Бог милостив, как я верю, и как говорят с нашего амвона⁸, то он даст мне то, о чем я его прошу.

Когда бы вы не явились, через год или более, но я буду ждать вас, Святой отец. Да не оставьте меня в моем смирении и ожидании. Лавку Магдалены всякий покажет. Спасибо вам! Я буду очень ждать, – женщина устало, но крайне учтиво поклонилась монаху, как своему духовнику⁹.

И медленно направилась к выходу с рыночной площади. Толпа молча провожала заказчицу редкой индульгенции взглядом, почти синхронно моргая в такт каждому ее шагу. Наконец женщина скрылась в одном из многочисленных узеньких переулков.

А в это время со стороны рыбного базара – совсем другой части торговых рядов – к монаху приближался, расталкивая замерших от предыдущего «спектакля» зевак, какой-то запыхавшийся и немного заикающийся рыжий бородач средних лет:

– Монах-х, а у тебя есть индульгенция на анаф-фему Архиепископа и полное отпущение грех-хов?

Поистине, удачный день...

⁸ Возвышение в церкви для чтения Священного Писания.

⁹ Священник, совершающий таинство покаяния.

Глава 2. "Прятки с прошлым"

В ушах было очень шумно. Не снаружи, а где-то глубоко внутри. Опять, видимо, давление. Голова раскалывалась. И так уже неделю. Что же это за год такой? Столько событий и все – как под копирку. Телевизор пестрил бедами.

Лица лишившихся крыши над головой из-за кризисов, списки погибших от стихии или очередного теракта стали, наверное, основными изображениями во всех СМИ. Сплошной, откровенный кошмар далеко и близко. Чужой и вот уже теперь свой, совсем личный.

Правда, весь этот негатив был слегка подлакирован. Все-таки сказывалось долгожданное лето – конец июля. А значит, жить очень даже можно. Но ведь никакая погода сути не меняла.

Анна устала пересчитывать похожие по смыслу и содержанию события, происходившие с ней одно за другим. Так надоедают самодельные бусы из любимого магазина для рукоделия, которые нанизываются на леску, согласно черно-белой картинке-инструкции.

Несколько первых творческих манипуляций интересны, а затем – рутина. А у Аньки еще и все плохо-криво получилось.

Ну что тут скажешь? Инструкция, прилагаемая к ее теперешней жизни, звучала совсем как издевательство. Никогда прежде не верившая в гороскопы Аня потихоньку дошла до их регулярного изучения. Можно сказать, до болезненной зависимости. Будто жизнь хваталась за соломинку.

Ведь, только в них рисовались хоть какие-то перспективы. То ли в Марсе, то ли в Венере или в каком-то ином Доме¹⁰ звездочеты все, как один, твердили ей про счастье и долгую-долгую радость. Которые, впрочем, скоро закончатся, и нужно было очень торопиться. А вот дальнейших подробностей это чтиво не сообщало. Еще один тупик.

Слово «еще» Аня произнесла уже вслух. «Еще» потому, что мужа Кирилла она, к счастью, выгнала. Или ей так хотелось думать, что все к лучшему. Успокаивала себя тем, что иначе ее последнее, но странное счастье еще долго мозолило бы ей глаза. Может, и всю жизнь.

Но в какой-то момент обнаружили две плохо сочетаемые с их семейной жизнью вещи: другая женщина мужа, и новорожденный карапуз от «этой чужой бабы». Будто пелена с глаз. Совет да любовь...

Так и не прижитые самой Аней дети были для нее особой темой. В какой-то мере, запрещенной и желанной одновременно. Впрочем, что об этом вспоминать? Но все-таки. Почему у них-то не получилось? Выходило, что из-за нее все-таки. Правы были доктора...

А третий чемодан наполнялся еще быстрее первых двух. В него постепенно ушли все его пиджаки, старая Кирюшина дубленка, пара курток. Аня не стала разрезать вещи изменщика ножницами, заливать зеленкой или прочие глупости. Просто постаралась тщательно зачистить пространство, как будто освобождала дом от какой-то черной плесени. Один раз обнаружила такую в новостройке.

Вот и сегодня Аня также педантично отнеслась к вопросу избавления от следов своего мужа. Подготовила емкости, двигалась шаг за шагом, метр за метром. Чуть ли не отмечая флажками на импровизированной карте отвоеванные ею рубежи. Пришла очередь и большого комода. Часть ящиков с мужскими носками и нижним бельем она без разбору запросто пересыпала в большой черный мешок и кинула в чемодан.

А вот у маек и джинсов пришлось задержаться – то тут, то там попадались ее футболки или брюки, как будто взятые в плен в чужом окопе. Наши своих не бросают. И этих «своих» нужно было найти и освободить.

¹⁰ Части небесной сферы в астрологии.

Вот... Вот здесь-то и обнаружился лежащий под ворохом всякого тряпья старый ноутбук мужа. Кирилл, работавший программистом в банке, часто менял технику на самую современную. Банковский регламент службы безопасности считал, что проще раз в два года выделить деньги на самое новое «железо»¹¹ с новейшим софтом¹² для системных администраторов, чем вычищать из прежнего всякие неиспользуемые программные «хвосты», которые как гостеприимная калитка могут быть использованы всякими нехорошими хакерами¹³.

Старые же «ноуты» после определенных манипуляций списывались и передавались, как правило, для домашних развлечений их же пользователям или соседствующим домочадцам.

В связи с этим найти где-то в закромах квартиры вполне пригодный и современный компьютер было делом нехитрым. Этот был приблизительно пятилетней давности, совсем несвежий. Еще из предыдущего «чейнджа»¹⁴, как прежде называл этот процесс списания материальных ценностей ее «великий хакер». Кстати, Аня временами подозревала, что муж – взломщик «не на шутку», а порой сама себя разубеждала, что ошибается – ничего роскошного за эти годы в доме не прибавилось.

Правда, в свете последних событий Аня для себя уверенно объяснила, отчего в доме было этак «бедненько, но чистенько». Видимо, все и шло на второй адрес.

Обида опять напомнила о себе. Словом, хакер Кирюша или нет, но откидной плоский экран этого найденного Анютой «ящика Пандоры» был открыт незамедлительно.

Пароль на вход в тоже оказался делом вполне заурядным для любой женщины с хорошей памятью. Помнила же, как временами хмельной муженек в период вынужденной интимной паузы и в целях возобновления острого желания у жены театрально шептал ей на ухо:

– Ты же знаешь, я поставил на свой ноутбук новый пароль. Пароль! Он полностью посвящен... тебе и звучит так... – и переходил на чуть слышный шипящий ультразвук, только так воспроизводя это секретное словосочетание с абсолютно неприличным смыслом, которое заканчивал своим же уточнением: – Без пробелов, в одно слово...

Воспоминания, пусть и такие нелепые, опять пришли некстати. Впрочем, когда они в последнее время были желанны?

Пришла пора подвести итог, в том числе и открыть многое для себя. Зачем ей все это? Так вопрос не стоял. Не останавливалось и время, которое все чаще решало за Аню, что и как ей делать.

Хотя, как раз сейчас это было только ее решение – узнать здесь, все и сразу. Чтобы не передумать, Аня слишком быстро нажимала кнопки. При этом еще и старалась не надевать неприличных ошибок в этом непристойном пароле. Экран моргнул и внезапно озарился радостной заставкой. На ней был циничный герой какого-то тупого детского мультлика.

«Как же я сразу не догадалась назвать его именно так, как эту убогую сказочную зверюшку» – обиженно подумала о муже Анюта, но, к счастью, не стала развивать эту тему. И в том же темпе, как во время уборки в доме, стала внимательно проверять все папки компьютера. Одну за другой. Файл за файлом – особенно интересовали фотографии.

Но их-то как раз было немного – какие-то вечеринки и корпоративы. Без компромата. Так и тыкала в течение получаса, не отыскав никаких «следов». И ведь странно, что после длительного «отпуска», аккумулятор ноутбука так и не разрядился!

¹¹ Содержимое компьютера без программ.

¹² Компьютерные программы.

¹³ Компьютерный взломщик.

¹⁴ Обмен (перевод с английского, русская транслитерация).

Нажала на очередной файл – ей в этот момент показалось, что ничего не изменилось. Впрочем, наблюдательная Аня внезапно заметила, что в правом нижнем углу приподнялась иконка со значками всех Wi-Fi сетей¹⁵, которые наблюдались в радиусе приема.

Таких сигналов было много, наверное, около двадцати-двадцати пяти. И лишь четверть из них можно было узнать.

Их источники немудрено назывались по номерам квартир. В ее доме и соседней одно-подъездной «башне». Остальные оригинальничали и были какими-то Вокерами или Крошками Енотами. Или того хлеще – ubnt2238.

Она щелкнула на этот «юбнт с цифрами». Внезапно заставка экрана сменилась на картинку с плюшевыми мишками. И кроме фона были хорошо заметны открытые страницы браузера¹⁶, нескольких соцсетей, и, одновременно, электронные письма, хаотично разбросанные по экрану.

Одно из них – пустое, явно только созданное. Оно прямо на глазах самостоятельно заполнялось словами и смайликами, а вскоре и своевольно «нажало» себя на иконку «Отправить». После чего исчезло в глубинах Интерсети.

Смысл письма Аня не успела понять, зато сообщение в мессенджере¹⁷, направленное некоей «Кисе Гуляющей», сводилось к просьбе уточнить имя и контакты того самого «Загорелого» из клуба, с которым они увиделись мельком накануне.

Хотела вчитаться дальше, но внезапно озарилась совсем другая Wi-Fi сеть и на экране побежали сцены танкового боя – кто-то строил из себя знатного геймера-чемпиона. Потом возникла новая картинка, затем через три-пять минут следующие.

Становилось понятно, что эта программа могла залезть в компьютер любого, кто попался в ее Вай-Фай приемник. Аняте стало неловко.

Будто она зачем-то подсматривала через дверную щель в комнату родителей, что никогда не приходило ей в голову. Так вот чем занимался ее муж в прежние годы...

Было очевидно, что программа сама «путешествует» между сетями, постоянно переключая источники сигнала. Аня заскучала и уже намеревалась захлопнуть неприличную, да и, наверное, не совсем законную программу мониторинга.

Как вдруг взгляд ее упал на сообщение, пришедшее по электронной почте в самом не дизайнерском профиле, накануне появившимся «в Вай-Фай-эфире».

Она его так и назвала – «Черная дыра». Черный экран, электронная почта неизвестной аббревиатуры, на которую поступали нелепые послания с еще более обезличенных адресов. Все очень-очень лаконично.

Письма представлялись в виде непонятных кодовых страниц с чередой вспомогательных знаков, которые обычно используются для... Да и ни для чего путного они не используются. А тут целые письма не совместимых с Аниным компьютером «псевдобукв».

Впрочем, не все такие. Слава богу, Аня, наконец, увидела и нечто вполне читаемое. Буква за буквой и на экране появился ответ на послание какого-то «Космоса46»:

«Давайте уточним подробности. Итак, женщина тридцати пяти-сорока лет, блондинка. Муж ушел к другой. Согласно нашим сведениям широко распространенное имя, предположительно, начинается на букву А. То есть Алина, Алиса, Алла, Альбина, Анастасия, Анна, Антонина.

Цель находится рядом со мной на той же или соседней улице. Уточнение по адресу и ее фотография вами готовятся. Будут направлены мне через пять минут. Ее смерть должна напоминать несчастный случай. Все верно?»

¹⁵ Вай-Фай – протокол и система беспроводной связи.

¹⁶ Программа для просмотра интернет-страниц.

¹⁷ Программа мгновенного обмена сообщениями.

– Анастасия, Анна! Анна, Антонина! Какая еще Антонина? Анна, Анна, Анна! – стучало в голове у любительницы изучения тайн бывших супругов. – «Муж ушел», «тридцать пять лет», «через пять минут», «смерть».

«Все верно?» – сердце Анны прыгало слишком сильно, а слова-цитаты частями и группами сами собой вылетали из нее, делаясь все громче и громче. Аня уже почти вопила в ожидании фото. И вдруг... «О-о-о, не-е-ет!»

Экран погас. Аккумулятор-таки «сдох» – не выдержал излишнего простоя аппарата без всякой подзарядки. «Пять минут еще не оказался в состоянии поработать!!!»

Аня судорожно перебирала остатки вещей и оглядела ящик комода, где нашла злополучный «комп».

А затем бросила взгляд под письменный стол и для чего-то на розетки по углам комнаты, но так и не смогла отыскать подходящего блока питания для ноутбука. Беда пришла, откуда не ждали.

В этот момент Аня каждой клеткой тела почувствовала странную неподъемную тяжесть. Ее исключительно стройные и красивые плечи опустились сами собой, неожиданно заставив по-старушечьи ссутулиться, уголки миндалевидных век часто подрагивали.

Одновременные ощущения нереальности и неизбежности происходящего хотя и были противоречивы, но сегодня удивительно дополняли друг друга. Это же, наверное, лишь сон. Нужно просто открыть глаза...

Глава 3. "Добрый вечер!"

День совершенно не складывался. Почему-то наивно думала, что после обеда-то хоть станет легче. Поела, а все снова валилось из рук. Только хуже. Оно и понятно. Не сказать, что Анна ночью не выспалась – она почти не сомкнула глаз.

Лежала, решала-крутила в голове, что ей теперь делать-то. Плакала, наверное. Всего не вспомнишь. Паническая атака. Оцепенение, тьма. С ней иногда такое бывало.

Ну как можно в это поверить? Бред. Она что, одна Аня-Антонина. А, может, не бред? Да кому она нужна? Точно к психиатру.

Или от этого мужчины всего можно ожидать, всякие глупости? Разводились-то они со скандалом. Брр. Наговорили кучу гадостей, но, ведь, не до такого маразма. Вертела в руках телефон, но побоялась набрать даже Розу – самую близкую подругу. Сама от себя не ожидала...

Впрочем, решила, что оно и к лучшему. С одной стороны, хватило ума сразу не обратиться в полицию – бог его знает с какими делишками связался ее теперь бывший, но такой мстительный хакер. Себе дороже.

С другой, делать что-то все-таки следовало. А что? Принимать успокаивающее или поверить? Возможно, у нее на глазах затевалось убийство, вероятно, с ее непосредственным участием в качестве жертвы – что же сидеть теперь и ждать, безвольно свесив лапки?

Решила: первый шаг – найти подходящий блок питания к злосчастному ноутбуку. Что и сделала, почти уже разыскав его в отделе технического обеспечения. Здесь можно достать все, что угодно.

Было, правда, одно «но». Техника в их Институте пластической хирургии не хуже, чем на Международной космической станции. А вот каста технических работников, как правило, сильно отличалась от астронавтов, летящих со скоростью пули у планеты на виду.

У земных «самоделкиных» все было скрытно, неспешно, «завтра», но, точно, не сразу, «чуть позже». Такая у них была жизненная позиция. Словом, блок можно было ждать лишь на следующий день.

Нужно сказать, что, если для Анны находиться на работе было просто сущим адом, то для ее пациентов – еще и риском для здоровья. Или даже жизни.

Ассистирующая на лицевых и маммопластических¹⁸ операциях Аня в ее нынешнем состоянии с дрожащими руками и закрывающимися глазами – это в лучшем случае потенциально скошенные носы и молочные железы.

А вот в худшем после любой такой операции придется потратить массу усилий, чтобы исправить то, что наделано. Если, вообще, удастся.

Оставалось сказать больно. Впрочем, ее отсутствующий взгляд и синяки под глазами отлично подтверждали такое стечение обстоятельств.

Правда, ведущий хирург и заведующий, словом, бог и царь в одном лице – терпеть не мог проводить операции без нее. И она этим очень дорожила.

Впрочем, от этого иногда бывали проблемы с отпусками, да и про больничные приходилось забывать. Но сегодня уже ничего не поделаешь. Профессионально «поревнует», поворчит и смирится.

Но куда же податься? Только не к дому, который стал для нее со вчерашнего дня каким-то чумным баракон, источником смертельной опасности.

Звонила к Розе, но та, видимо, была, как обычно, на переговорах и не брала трубку. И могла так по два дня не отвечать. Написать ей смс? А что напишешь: я дура, которая не спала всю ночь в ожидании киллера?

¹⁸ Операции по коррекции женской груди.

Имелось еще одно место, где ей были всегда рады. Не хуже подруги. Салон красоты «Мылов студия». Здесь всегда ждал ее голову женоподобный Валя.

К голове, как правило, прилагались шампуни, краски, ножницы, уши и язык. Идеальное сочетание после трудного дня и бессонной ночи. Теплая вода притупляла тревогу, Валины пальцы скользили по оголенным нервным окончаниям и производили эффект успокаивающего китайского массажа.

Народу было немного. Двое-трое, максимум четверо. Женщины, мужчины. Может, чуть больше. Сразу не скажешь. Всех не увидишь – места мастеров разбросаны по большому залу.

Но посетители какими-то фрагментами многократно отражались во множестве зеркал так. Как будто большая уютная семья собралась на утреннике по случаю столетия прадедушки.

Знаете, тот случай, когда многие не знакомы, но все, как родные. Хотя эта кажущаяся массовость со временем приводила к обратному эффекту. Ане чаще казалось, что они с Валею только вдвоем, а зеркала попросту врут.

Разговор вначале не клеился, но затем вошел в привычное русло. Погода, выставки, красоты, эзотерика и здоровая кухня всего мира. Анюта все никак не могла выговорить главного. Того, что ее и правда сейчас волновало.

Хотя женщину уже разрывало от информации. А лучшей кандидатуры, чем Валентин, за отсутствием Розы уж точно сегодня не предвиделось.

– А ты веришь в судьбу? – свой «заход на тему» Анюта начала слишком издалека. Валя поморщился и чуть истошно, с нервными интонационными переливами уточнил:

– Если развить эту мысль, что ты имеешь в виду?

Тут Аня и вывалила события прошлой ночи. Естественно, она говорила «не о себе», а о хорошей знакомой, которая и не знает, что со всем этим делать.

Валя стал мазать кисточкой Анютины прядки чуть медленнее и периодически маковкой кисточкиной ручки почесывал кончик своего носа – думал. Впрочем, их мысли про ситуацию были схожи:

– Что у нее, твоей подруги, есть, чтобы предъявить? Пиратская, явно какая-то шпионская суперпрограмма, за которую могут серьезно привлечь? Лет на десять строгого режима среди комаров и падших женщин? И пока никаких реальных доказательств угрозы жизни?

Да ее скорее в клинику невротиков положат, чем спасут! Правда, есть у меня один полковник МЧС¹⁹ – заказывает у меня стрижку под классический «полубокс»²⁰ строго по пятницам через каждые семь недель. Вот его можно в это посвятить – выглядит он очень внушительно.

Было очевидно, что советы Валентина отдавали некоторой наивностью, присущей эстетствующим особам. Зато прекрасно способствовали душевной разрядке.

Перейдя в цепкие руки маникюрши Галины из Адлера, Анна потихоньку смогла полностью снять с себя проклятие последних дней.

Галя рассказывала про своего совсем молоденького, но уже сильно усатого сожителя, и обе леди почти хором смеялись над этим чудаковатым мужским миром, который никак не уживется с их собственной женской вселенной.

Тема парадоксальности мужчин неуловимо перетекла на более адекватных существ. Счастливая обладательница даксхунд²¹-таксы Виконтессы, благородных, черно-коричневых оттенков, Анна с удовольствием подхватила инициативу.

Ее неугомонная охотница была счастливым источником сюжетов для бесконечных новелл и анекдотов.

¹⁹ Министерство по чрезвычайным ситуациям.

²⁰ Мужская стрижка, при которой волосы на затылке и по бокам накоротко постригаются машинкой.

²¹ Буквально «Барсучья собака» (перевод с немецкого).

Маникюрша Галина, бывшая серьезная собачница, не имеющая сейчас возможности содержать пса в съемной московской «однушке», лишь молча уступала активные позиции клиентке и завистливо вздыхала.

За приятными процедурами незаметно за вечерело. Поначалу не то чтобы солнце скрылось, да только длинющие полутени уже легли на неопрятные от автомобильной копоти бока жилых зданий.

Потом легионы зеркал заднего вида тоскливо и странно зажглись отражением багряющего светила и стали вглядываться в глаза каждого московского водителя.

Вскоре и сумерки по капле наливались темнотой. И она опускалась медленно, как театральная занавес. И в контрасте со вспыхнувшими под уличными фонарями участками казалась вовсе чернильной.

Ане стало жутко. Как после дружеской пирушки наступало утро похмельной расплаты, так и теперь Аня пыталась любым способом отогнать невероятную дрожь, сменившую, казалось бы, навсегда вернувшуюся уверенность в душевных силах.

И в этом состоянии нужно было хоть как-то добраться до дома. Собрать волю в кулак и... как из тепла в ледяную стужу выйти из безопасного салона наружу.

Впрочем, на машине домчала до дома быстро. Огляделась и даже обрадовалась – у входа в подъезд таким талисманом сидела неизменная Юлия Модестовна. Сколько ей было лет – этого никто не знал. Она явно пережила всех свидетелей своего босоногого детства еще в прошлом веке.

Документы ее видела только работница собеса²², регулярно навещавшая старушку. Однако служивая категорически отказывалась обсуждать бабушкин возраст. Да и, в принципе, судачить о малейших подробностях обстановки в доме подопечной. Уж так бабуля на нее влияла.

Словом, старушка была вредная, язвительная и частично испытывающая трудности с действительностью. А порой поговаривали, что и колдунья. Врала, скорее всего.

Однако в нынешней ситуации бабушка казалась лучшим пугалом для любого киллера. Впрочем, встреча с ней была испытанием не только для профессиональных убийц, поэтому Аня резко ускорила шаг, стараясь быстро проشمыгнуть мимо.

Тем более в доме, несколькими пролетами выше, ее уже с нетерпением ждала такса Виконтесса. Для срочной вечерней прогулки.

– Скажи-ка, детка, а где нынче можно за недорого приобрести хорошую ударную установку для рок-концертов? – Аня всякий раз вздрагивала от скрипуче-противного и неторопливого тембра будущей «барабанщицы».

Не говоря уже о том, что малейшая попытка искать смысл в вопросах пенсионерки неизменно приводила Аню к затажному приступу мигрени.

– Добрый вечер, Юлия Модестовна!

Но бабуля не давала форы ни для элементарной вежливости, ни для ответа на предыдущий вопрос и продолжала:

– Видела я, как одна моя ровесница такое вытворяла на самом большом барабане, что позавидуешь... Музыка значительно удлиняет жизненный путь, детка! А вот ты сама хочешь пожить подольше?

Старуха зловеще усмехнулась и уже совсем открыто уставилась на оторопевшую Аню таким туманным ведьминым взглядом.

²² Учреждение социального обеспечения.

В гробовой тишине, казалось, стало слышно, как от движения литосферных плит²³ поскрипывает фундамент многоэтажного дома. Тема продления собственной жизни все больше и больше занимала несчастную женщину.

²³ Крупные участки земной коры, являющиеся основанием для материков.

Глава 4. "И спокойной ночи!"

В этот момент Виконтесса продолжала попеременно то скулить, то отчаянно лаять, стоя верхом на коробке с теплыми зимними сапогами. Анин первый шаг внутрь собственного жилища сопровождался громким: «Плюх!» Или какими еще словами обозначают сочный всплеск?

Пол в квартире был покрыт тонким слоем воды и скорее напоминал прибрежную отмель. Легкие вещи плавали, тяжелые утонули. Для антуража не хватало только зайцев.

Впрочем, возможно, их-то и распугала громкоголосая такса, которая на радостях бросилась сквозь волны навстречу вошедшей.

«Кому суждено сгореть, тот не утонет». Из-за нелепости мысли о пожаре во время потопа прежние Анины глупости про убийство моментально испарились. Анюта вряд ли смогла бы узнать себя на видео этих первых минут спасения своего собственного жилища.

Если бы, конечно, кому-то, вообще, пришло в голову таким образом задокументировать нынешние действия. Понятно, что в этот момент любой оператор совершенно точно лишился бы и здоровья, и, возможно, самой жизни из-за крайне импульсивных действий разгоряченной хозяйки.

Аня рычала, как дикое животное, срывалась на ругательства, но самоотверженно вычерпывала воду, как из дырявой шлюпки, идущей во время шторма на дно вместе со всей командой.

Экипаж судна, состоящий из неразлучной пары – хозяйки и таксы, был так успешен в ликвидации последствий разгула стихии, что, казалось, неопровержимо доказывал справедливость версии о происхождении видов не от обезьяны, а от пассажиров Ноева ковчега.

Когда накал борьбы за выживание начал снижаться, Анюта огляделась. В целом потери были значительны. Несколько ковров и ковриков, среди которых был один крайне дорогой – персидский, а также полностью испорченный намокший дубовый паркет, а значит впереди полная переборка полов.

Вся обувь, что была у порога и в углу гардеробной – два десятка пар. Ужас! Аня устало опустила на небольшую табуретку в прихожей.

Но тут же вскочила, как подорванная, словно что-то или кого-то вспомнила, резко открыла входную дверь и почти взлетела на этаж выше. За ней следом без всякого на то разрешения семенила черно-коричневая тень Виконтессы.

Соседи открыли без промедлений. Скандал грозил выйти за пределы ближайших домов. Однако Аню привел в замешательство вид красивой и от этого вызывающей доверие юной пары – Кости и Евы.

Гневная и справедливая речь, еще недавно столь естественно сложившаяся в голове хозяйки, застопорилась где-то на кончике ее языка.

Вина ребят сверху была относительна – сорвало вентиль, установленный криворуким сантехником. А их безропотная готовность компенсировать любые потери подкупала.

Впрочем, самые скромные подсчеты потерпевшей обещали сумму с шестью нулями. Что поубавило оптимизм молодых. Минималистичный интерьер пусть и недавно отремонтированной квартиры ничего не говорил о скрытом недостатке.

На одной из стен Аню привлекла гравюра «под старину», вручную покрытая как будто выцветшими от времени красками. Или, и правда, антикварная? Ну, скорее всего, причудливый постер.

Большая и затейливая буква – первая буква текста представляла собой красно-черное знамя с изображением распятого Христа на виду у праздной толпы. Справа от нее располага-

лась латинская заглавная буква «S» в виде свитка, которую держал перед собой стоящий на коленях монах в рясе.

«Sanctae Romanae Ecclesiae»²⁴, – по слогам прочитала Аня. Как оказалось, она далеко-далеко посещала факультативы латинского языка еще во времена учебы в медицинском институте.

– Это какая-то католическая индульгенция. Очень старая. От Евиного деда досталась. Только больше мы о ней ничего не знаем, – Костя и Ева явно недостаточно разбирались в собственной семейной истории.

А Анна снова преисполнилась непреодолимым желанием еще раз взглянуть на бумагу, которая приковывала к себе взгляд, как магнит стрелку компаса. Аня даже мотнула головой, приходя в себя. Впрочем, настроена к молодой семье она была уже совсем по-дружески, даже родственно:

– Вот что, братцы-кролики, с ходу мы сейчас все равно ничего не решим. А вот закажем экспертизу и разберемся. Вы мне, ребята, честно признаюсь, очень симпатичны. И никакие судебные истории нам не нужны. Думаю, это общее мнение.

Но, поверьте, «урон» там значительный. Сегодня уже поздно, и Виконтесса у меня «негуляная». Что мучить себя и животное? А вот на днях вечером после работы приходите и сами все увидите – жить там пока нереально. И спокойной ночи!

Наконец, вовремя вспомнив про теряющую терпение и сознание таксу, а также про ее собачьи естественные потребности, Аня от соседней направилась прямо на улицу. Решила не заходить домой даже за поводком.

Распахнутая перед Виконтессой дверь обычно означала свободу и все удовольствия этого мира. Однако вместо наслаждения пьянящим воздухом воли на этот раз собака с рычанием бросилась куда-то влево. Злоба ее была столь необычной, а движения такими резкими, что не успевшая выйти из подъезда хозяйка растерялась.

Такса намертво держала зубами край мужской штанины, с невероятной энергией мотая головой из стороны в сторону. Пока все еще внутри брюк находился высокий и симпатичный мужчина.

Лицо его выражало значительную озадаченность происходящим. При этом Анну поражала стоическая тишина, с которой гражданин выносил все тяготы и лишения знакомства с дикой природой Центрального административного округа столицы.

– Виконтесса! Вика! Фу! Фу-у-у! Убью! – хозяйский голос наконец дошел до собачьего мозга, и челюсти животного медленно приоткрылись. В этот момент Аня и успела отдернуть от жертвы свою гладкошерстную «крокодилицу».

Все бы почти обошлось, но левый верхний клык таксы не до конца вышел из отворота модной мужской брючины. И после резкого рывка этот элегантно-элегантный элемент тут же отделился от остальной части ткани неровным драным клочком. – Ой! Простите меня, пожалуйста!

Отвалившийся кусок костюмного сукна представил взгляду Ани неглубокую, но кровоточащую рану на щиколотке потерпевшего.

От вида этой алой полосы Аня окончательно потеряла всякое ощущение «человека разумного» – слишком большое количество отвратительных событий снова толкали ее от реальности. Или к ней?

Аня, работавшая в хирургии, давно не теряла сознания при виде крови²⁵. Да и насмотрелась в далеком детстве на соседку-алкоголичку тетю Марину, что и привило у нее стойкое неприятие спиртного. Иначе бы давно уже спилась, наверное. Честное слово.

²⁴ Святая Римская церковь (перевод с латинского).

²⁵ Красные кровяные тельца.

А довольная своими приключениями Виконтесса наконец вырвалась из Аниных рук и убежала в кусты совершать то, зачем, собственно, ее и выводили на улицу.

– Давайте я вам помогу! – Аня тут же подхватила руку раненого и забросила ее к себе на плечо: – Я здесь же живу! Обопритесь на меня, чтобы не упасть. Пойдемте, нужно срочно продезинфицировать и перевязать рану.

Мужчина, стараясь не спорить, в ответ неожиданно представился:

– Меня Игорь зовут, – и двинулся вслед за Аней, опасливо отслеживая Виконтессу, непрерывно движущуюся по сложной траектории. И вдруг неожиданно снова открыл рот:

– И попить бы. У вас вода найдется?

Аня внезапно затряслась от смеха в совершенно неконтролируемой истерике. Она хохотала так, что внезапно затихли две стаи упрямых ворон, давно обкаркивающих друг друга за самые удобные места на ближайшем к дому тополе.

Время текло незаметно, а она все еще смеялась и одновременно рыдала от пережитого – ведь и улыбки, и слезы уносят своими искренними потоками все беды мира. Мужчина и собака в полном недоумении смотрели на свою красивую и изменчивую спутницу.

Через несколько минут, очутившись в квартире, Игорь гоготал не меньше хозяйки:

– Все ожидал увидеть, а тут такое...

– Вот наденьте пока эти брюки, а я зашью и постираю ваши. Правда, они будут вам немного коротки, – строго сказала Аня, протягивая Игорю самые подходящие штаны. И с некоторой злобой добавила. – Это бывшего мужа. Надо же, пригодились!

– Извини, можно, пока я почти без брюк, буду называть тебя просто Аней. И на «ты»? – его шутка была несколько пикантной. Но и Аня не желала уступать в вопросах «с перчинкой»:

– Конечно. Давай на «ты». Но только пока не заживет твоя рана. Кстати, тебя будет нужно обязательно перевязать. Но запомни, я знаю, как сделать человеку очень хорошо или очень больно – у меня медицинское образование...

Пока Аня проделывала все необходимое и поила раненого чаем, брюки уже крутились в стиральной машине на экспресс-режиме. Потом короткий курс штопки и глажки.

Словом, по истечении пары часов забот красной девицы Игорь предстал абсолютным добрым молодцем. Правда, немного хромым.

Все это время Анна делала свое дело дурачась, с показательной заботой. И лишь виновница торжества – такса Виконтесса, знавшая хозяйку слишком давно и как собственные четыре лапы, с большим интересом наблюдала за ее внутренним преображением с каждым этапом развития этого шутивного спасательно-портняжного «романа».

Игорь, временами нажимавший какие-то иконки в своем смартфоне, наконец не выдержал такого смешливого, но совершенно непрактичного настроения собеседницы и с легким пренебрежением к правилам гостеприимства произнес:

– Аня, я понимаю, что твоя квартира дорога тебе, как прекрасная перевязочная... Но время к полуночи. А везде, где у тебя стоят диваны и кровати, так сыро, что дышать невозможно.

Ночи пока не такие теплые, чтобы спать на балконе. И чтобы не торопить события, к себе я тебя пока не приглашаю. Но ведь долг платежом красен. Теперь моя очередь тебя спасать.

Словом, ты переезжаешь – я уже заказал и оплатил номер в хорошем отеле. Бери все, что нужно на три-четыре дня. А пока ты не спеша собираешься, я развешу все твои ковры в ванне и на балконе, чтобы с них наконец-то стекла вода.

На завтра я уже вызвал специалистов, которые займутся твоим паркетом и рассчитают смету на ремонт. Кстати, а ты кому обычно оставляешь таксу, если внезапно уезжаешь в отпуск?

Глава 5. "За и против"

– Ох уж эти сложные рассуждения. Хотя мне всегда казалось, что просто отказать будет не совсем верно. Не по-христиански. Такой случай – это же не противление нашей «Булле об отпущении грехов»²⁶. А, напротив, вера в силу спасения и содействие построению храмов.

И все же так мы далеко зайдем. Если будем изменять тексты индульгенций в потворстве мнению нашей паствы.

Разве не любое сомнение в безукоризненности наших решений приводит к грязному вольнодумству? Тому, что преподносится тайными и явными врагами Римской католической церкви, как этакая священная дискуссия, а?

Впрочем, что скажет уважаемый Томмацо? – и рука понтифика с открытой ладонью вверх внезапно указала на кардинала Кэтано. Но не дав тому даже приоткрыть рот, Глава всех католиков позволил себе закончить свою мысль.

– Ведь вам скоро предстоит поездка именно туда, откуда и пришел к нам всплеск злейшей ереси «самозванца» Лютера. Как они называют это место? «Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation»²⁷. Ну-ну.

Словом, в Германию. Есть время лишний раз подготовиться к жестоким теософическим дискуссиям. И я думаю, наш случай, напротив, может дать дополнительные аргументы «за» в борьбе с этими сатанинскими силами тьмы.

Давайте разберемся. Итак, для начала: есть ли у нас право само понятие «одиночество» считать грехом и искупать его как грехопадение? Что скажете, святые отцы?

– Если позволите, я отвечу. С одной стороны, все очень просто, Ваше Святейшество, – Томмацо де Вио Кэтано не зря считался большим ученым. – Мы можем сказать, что все основные провинности перед Господом собраны около девяти столетий назад еще понтификом Григорием Первым Великим²⁸ в его «Expositio in librum Iob sive Moralia»²⁹.

Я позволю их все перечислить. Это Гордыня, Зависть, Гнев, Уныние, Алчность, Чревоугодие и Блуд. Таким образом, никакое Одиночество не может стать само по себе смертным грехом.

Однако для примера есть и другая сторона этого понятия – женское одиночество. А вот оно-то напрямую и, очевидно, связано, пожалуй, с шестью из семи главных. Возможно, кроме Чревоугодия. Хотя...

– Ваше мнение и ваши объяснения достойны самой высокой похвалы, – понтифик закрыл глаза и, казалось, готов был заткнуть и уши. Но вместо этого он слегка причмокнул губами и снова обратился к присутствующим. – Но может ли тогда это скопище человеческих пороков вообще иметь возможность на прощение?

Ведь если одиночество приводит ко всем этим «червоточинам», то не проще ли выжигать его и его носителей каленым железом, как действовали мы во славу священной церкви тогда, когда видели реальную угрозу для нее?

– Вы сейчас говорили совсем серьезно или изволили улыбаться, Ваше Святейшество? – приверженец миролюбивой линии – де Вио казался абсолютно невозмутимым, но на душе у него было беспокойно. – Святая инквизиция всегда имела возможность прощать и поощрять тех, кто искренне раскаивался.

²⁶ Булла 1517 года понтифика Льва X о продаже индульгенций в целях «Оказания содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира».

²⁷ Священная Римская империя германской нации (перевод с немецкого) – официальное название объединения многих территорий Европы в начале XVI века.

²⁸ Папа Римский (590–604 гг.)

²⁹ Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования (перевод с латинского).

И предавать его, например, не долгой и мучительной, а легкой смерти, каким бы тяжелым не было его предыдущее прегрешение. Ибо сказано: «Всякий, делающий грех, есть раб греха»³⁰, а условием прощения прегрешений является полное или частичное обновление жизни грешника...

Глава католиков задумался о чем-то своем. Остальные кардиналы дружно молчали. И вдруг понтифик заметил:

– А не уравнивает ли все это женщину с мужчиной? Ибо, если дано ей прощение на одиночество, по ее же вине происходящее, так и прощается ей тогда строптивость, своенравность, дерзость – все, что богопротивно.

И если Святой Господь сотворил женщину, как помощника для мужчины, то не лишаем ли мы такой бумагой мужчину помощи?

Если она праведная христианка, то нашего прощения она ждет, скорее, на собственные прегрешения, которые и мешают ей совершить шаги к браку и детям. Или, например, мы отделяем ее от проступков и грехов предков, которые вставали на ее пути к естественной роли настоящей и смиренной супруги. Но ведь для нее, возможно, важно и совсем обратное: желание избавления от испытания браком...

– Позволение стать христианской женой – это награда, а не испытание для женщины, Ваше Святейшество, – на этих словах кардинала Кэтано его коллеги одобрительно закивали, словно бывали уже в положении замужних прихожанок. – И обращение этой несчастной к нашему квестору³¹ – лишнее тому подтверждение.

Женщина замужем приобретает покровительство, руководство и наставление. И защиту от блуда. Наконец, рождение законных детей. Все то, что она никогда не может получить вне святых уз христианского брака. Конечно, если не становится монашкой – Христовой невестой.

Его Святейшество подхватил эту мысль:

– А есть, вообще, какой-нибудь иной путь у женщины, кроме замужества и монашества? Или в любом другом противном случае женщина ищет только одного – дьявольской выгоды?

Слабое тело ее не приспособлено к выживанию в земной жизни за редким исключением, подтверждающим правило. И даже дети вне брака нежелательны или случайны.

Недаром Святая церковь в лице одного из наших ярких предшественников прошлого века – понтифика Каликста Третьего реабилитировала Орлеанскую деву – образец того самого несчастного одиночества.

Ведь Жанна Девственница шла одна по жизни, подчиняясь какой-то идее. Повторюсь опять же: «подчиняясь»! И к чему это привело? Словом, без послушания женщина быстро переходит в свое изначальное состояние готовности к греху и пребывает в хаосе. Или же совсем теряет смысл существования.

И тогда она – пока еще не совсем грешница – стремится обрести хоть какой-то мир и покой. И осуществляет все свои желания за счет сделки с окружающими ее, более сильными мужчинами. Многими. Она все равно ищет этого подчинения в любом случае, даже через вот такую «коммерцию», приобретая все, что ей необходимо.

И часто не думая о последствиях, обретая к этому привычку. Ибо сказано: «Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему»³².

И дай Бог, если все по-другому. Но нет. Повторюсь: подчинение мужу или идее – вот что является основой женской жизни. А кто и как эту мысль ей предоставит – зависит в том числе и от Святой католической церкви.

³⁰ Евангелие от Иоанна. Глава 8. Стих 34.

³¹ Продавец индульгенций.

³² Библия, Иезекииль. Глава 16. Стих 12.

Вот почему я так серьезно отношусь к этому, казалось бы, частному случаю с индульгенцией на одиночество. Итак, все-таки от чего по смыслу мы даем наше «освобождение» для души нашей просительницы?..

Слова понтифика ложились прямо в благодатные уши его советчиков. И лишь уважаемый Томмацо исподтишка рассматривал присутствующих. Столь очевидные рассуждения его собеседника, пусть даже и такого именитого, вызвали у кардинала подобие почтительной, но, скорее, снисходительной улыбки.

Так более молодой лев поглядывает на своего потерявшего прежнюю силу, но еще зубастого отца, надеясь когда-нибудь занять его место. И Томмацо де Вио снова попросил слова:

– Монсеньор, я вернусь к моим первоначальным рассуждениям, если позволите. Одиночество не может само считаться смертным грехом, но мы-то даем, как вы выразились, «освобождение» именно от греха.

Ведь все, даже указанное в Декалоге³³ – Десяти заповедях – это обязательные правила, императив³⁴ Господа, направленные на борьбу с этими самыми главными прегрешениями.

То есть «не убий, не укради...» – это следствие, идущее от смертных грехов. И убийство тоже всегда лишь итог зависти, блуда или алчности.

Можно предположить, что и одиночество – это результат, впитавший в себя какой-то один или сразу несколько из этих смертных провинностей.

А если мы даем индульгенцию на убийство, то чем долгосрочное одиночество простой несчастной христианки хуже мук любого злодея, лишившего кого-то земной жизни?..

– Ну что же! – Его Святейшество подыграл оппоненту своим благодушием. – Отлично! Ваши аргументы вполне доступны любому смертному! Я уже вижу вас в гнезде ереси, разбивающего наших врагов своим словом в пух и прах.

И однозначно доносящего им про *thesaurus supererogationis perfectorum*³⁵ – неиссякаемом источнике жертвы Христа, который, как все истинное и благое, позволяет дать грешникам возможность искупить свою вину, а нам сделать столь важные богоугодные дела. Прежде всего, достроить Собор Святого Петра.

И осушение такого родника веры – отказ от индульгенций, как требуют еретики – это удар не столько по нашей казне, а лишь по тем благочестивым христианам, которые все ждут и ждут истинного божеского прощения. И пусть враги продолжают говорить о наших безумных тратах на охоту, дорогом мраморе папских дворцов и избытке золота на наших каретах.

Господь знает, что все совершаемое нами, делается во благо Святой католической церкви и для ее величия. Все мы понимаем, что враг коварен и жаждет реванша. Ибо лишь какие-то четверть века назад истинные католики смогли вырвать Пиренейский полуостров из лап мавров и берберов после конкисты.

И именно сейчас наши соратники по вере силой оружия и Святого слова умиротворяют дальние берега и открывают для диких племен Нового Света блаженство католической мессы...

Кардиналы стояли и внимали каждому слову. Лишь Томмацо де Вио Кэтано совсем медленно и крайне незаметно для окружающих нервно перебирал в руке четки.

Одна бусина, вторая, небольшой изящный крестик, новая бусина, следующая... Понтифик продолжил:

– Теперь, что касается самой бумаги. Этой самой Индульгенции на одиночество. Вот наша воля: распорядитесь подготовить ее. Недаром я изложил свои мысли в «Mail magnam»³⁶.

³³ Десять божеских заповедей.

³⁴ Безусловное требование.

³⁵ Неиссякаемый источник жертвы Христа и совокупных заслуг всех святых, которые можно перераспределять среди верующих. В том числе и при продаже прощения грехов.

³⁶ Большая почта (перевод с латинского).

И господь не оставил наши вопросы без внимания – дал мне знак. И еще. Необходимо обставить все так, чтобы у паствы сложилось два стойких убеждения:

Во-первых, подчеркнутое уважение к чаяниям истиной христианки, верящей в справедливость и ее достижимость посредством покупки наших «Petersablass»³⁷.

Информацию о всяком событии, которое будет способствовать этой же уверенности наших прихожан, необходимо распространять с амвонов и приносить в ежедневную деятельность доминиканцев-квесторов, да благословит их Господь.

И, во-вторых, идея, что получение таких особо ценных индивидуальных индульгенций для каждого верующего – это длительный процесс, который обязан вызывать истинное уважение сам по себе. Прихожане должны созреть, вырасти в своих чувствах к такой бумаге, за которую они порой очень много платят.

А значит, от крайне долгого ожидания и желания будет много сладостнее миг разрешения и обладания. И посему обязательно отправьте наш ответ и уже готовую бумагу адресату.

Но не сразу, а только еще месяца через два-три. Да будет так! Во имя Господа и именем его! Аминь...

³⁷ Вид индульгенции начала XVI века. Половина денежных средств от ее реализации уходило на строительство Собора Святого Петра в Риме.

Глава 6. "Без тебя"

Восточный ресторанный дворик в самом центре столицы около высотки на Баррикадной поражал своей демократичностью. Состоящий из множества маленьких веранд-палаток, этакий отдельный от всего мира походный лагерь, летом он был настоящим раем для любителей барбекю.

Лились знаменитые кавказские вина, казалось, звенят горные водопады, запахи специй разбивали любые попытки остаться равнодушным и удержаться от слюноотделения.

Достаточно было увидеть один лист меню, чтобы немедленно сдать зачем-то купленный авиабилет в любую фешенебельную столицу. А на вырученные деньги, не выходя из-за стола, совершить гастрономическое путешествие вокруг планеты. И сразу же ощутить вкусы из тех уголков Земли, где готовить научились задолго до рождения фуа-гра и бланманже.

Поражало еще одно: официант у столика появлялся и исчезал именно в тот момент, когда о нем вспоминали вслух или даже только думали. «Как ему это удастся» – мысленно спросила немного захмелевшая Аня и достаточно громко, уже обращаясь к своему спутнику или сразу ко всем, кто мог ее услышать, произнесла:

– Как же хорошо! И вкусно! И с погодой повезло! Слушай, ведь два дня назад я тебя еще даже не знала. А сегодня в это и сама не верю.

Словом, свидание – как свидание. Каждый помнит те счастливые минуты, когда взгляд собеседника и без всяких слов говорит именно то, что ты сам о себе думаешь. Ну а если и не держишь в памяти, то мечтаешь о чем-то подобном.

Да так явно, что иногда кажется, что все это уже было взаправду. И лишь некоторые стараются не ворошить прошлое за ненадобностью или по причине того, что с ними такое же происходит непосредственно в эту самую минуту.

Анюта почти расслабилась и подзабыла нелепую историю с киллерами. Или очень пыталась себя уговорить. Вчера, чтобы не сойти с ума от неизвестности и еще раз все проверить, Аня после работы решила не сразу поехать в гостиницу, куда ее устроил Игорь.

А подхватив подругу Розу, тайно пробраться домой. Розалия, с которой Аня дружила еще со школы, при росте метр восемьдесят пять имела детское прозвище «Дюймовочка» и была жгучей брюнеткой восточного типа.

Прозвание же свое Роза получила явно не из-за роста, а из-за малюсенькой величины ступней, которые даже теперь так и не выросли дальше тридцать третьего размера.

В связи с чем подруга была вынуждена на всю жизнь забыть обо всем взросло-модном, а отоваривалась в подростковых обувных отделах под вызывающие взгляды девиц-переростков.

Появление ближе к закату в конце июля у дома Ани двух подруг в темных очках и закутаных в модные платки – явно не по сезону, тут же было замечено бессменной Юлией Модестовой.

И если Анюта не вызвала особого возбуждения у этого бесплатного мажордома³⁸, то природная экзотическая красота ее спутницы в подозрительном темном платке-чалме разбудила всю прежнюю довоенную бдительность старушки.

Та даже приподнялась с лавочки, словно пытаясь загородить собой кнопки кодового замка, но затем, вроде бы опомнилась и вновь задала вопрос невпопад:

– Девчонки, у вас татушки есть? А где?

Дальнейшие рассуждения сводились к непреодолимому стремлению стать ближе к своей юности и набить себе на левой лопатке татуировку в виде цветной бабочки, похожей на лимонницу.

³⁸ Управляющий домом (устаревшее).

А дальше бабуся стала задавать вопросы совсем уж исповедального характера, после чего две целомудренные подруги незамедлительно ретировались в подъезд. Вослед им несло скрипящее:

– А это больше обычной депиляции?

Дома было влажно, но терпимо. Специалисты, вызванные хозяйственным Игорем, еще днем провели какие-то фантастические манипуляции по просушке всего и вся. Прежде всего разобрали в нескольких местах паркет и увезли наиболее влажные куски. А для остальных поверхностей поставили большие сушильные агрегаты.

Куда-то уехали и ковры, а вместо них на кухонном столе лежали несколько договоров с перечнем «осушаемого», разбираемого и перемещаемого, а также акты о хранении материальных ценностей.

– Да ты их разорить должна! – Роза недовольно морщилась. Говорила она, естественно, об Анютиных соседях сверху. Аня хоть и чувствовала себя «не очень» после оценки нанесенного ущерба, но именно сейчас не хотела бы кого-то «пожирать».

Хищнические настроения энергичной хозяйки куда-то испарились, а к травоядному состоянию, когда охотятся именно на нее, Аня еще не очень привыкла.

– Ладно, давай, показывай! Сейчас разберемся, – Розалия властно захватила злосчастный ноутбук. Пока они пили чай, аккумулятор смог немного зарядиться. Экран вновь светился. Роза нетерпеливо щелкнула пальцами. – Ага, какой у тебя пароль?

Сообщить тайный набор слов без пробелов, немедленно открывающий предпочтения интимного характера пусть и лучшей подруге, – такого позора Аня допустить не могла.

Шуточная борьба за клавиатуру заняла еще минут десять. Наконец запустилась программа-сканер. Быстро нашли и искомый компьютер, откуда в прошлый раз пришли угрожающие новости.

Да только на нем ничего не происходило – скорее всего, хозяин ушел на работу. Внезапно осознав на какую, Аня опять впала в тоску. Впрочем, бокал-другой Шабли³⁹ со льдом быстро исправил положение. И вот они уже тихонько, но дружно затянули мелодию еще недавно худой и длинноволосой дивы:

– Бе-е-ез тебя-я-я...

– Ой, слушай, мне что-то не очень нравится такое сочетание слов! – Аня зачем-то не вовремя протрезвела, проникнувшись смыслом услышанного ноктюна⁴⁰.

В этот момент изображение на экране ноутбука замигало так внезапно, что подружки на своих местах даже подскочили. А Аня еще и снова ойкнула, – Ой!

Впрочем, экран в целом оставался черным. И только прямо перед глазами Ани и Розы, как черти из табакерки, резко выскакивали контрастные белые буквы. Какие-то компьютерные команды?

Курсор мигал непривычным белым прямоугольником. Вообще, дизайн заставок, шрифтов и значков был прост, как сюжет «Курочки Рябы».

Периодически появлялись столбцы восьмизначных чисел, разбитых на две группы по четыре цифры, которые двигались этaкими длинными лентами-небоскребами, занимая временно всю высоту экрана. Затем заголовок DarkNetSide⁴¹.

И снова начали выпрыгивать изображения конвертиков, одно за другим – хозяин загадочного компьютера явно вошел в контакт со своими собеседниками.

³⁹ Белое сухое вино.

⁴⁰ Короткое музыкальное лирическое произведение.

⁴¹ Темная сторона Сети (перевод с английского).

Анюта почти не втягивала в себя воздух – не было сил. Роза же, напротив, дышала теперь так громко, что можно было подозревать у нее приступ астмы. Наконец, «в эфире» появился и «Космос46» – заказчик убийства.

Аня отпрянула и случайно задела локтем полупустую бутылку, которая с гулким звуком свалилась на подсушенный пол. Но на это никто не обратил внимания.

«Дублирую информацию», – констатировал «Космос». Адресат не спешил с ответом. А «космонавт» не унимался: «В дневное время вероятно нахождение объекта А в квадрате К17. Объект водит автомобиль.

Навыки вождения средние, но считает себя опытным. Возможна как акция с технической неисправностью, так и создание критической ситуации на дороге, а также сочетание обоих вариантов. Примите фото А за рулем».

Через минуту на экране рядом с конвертиком появился и медленно идущий силуэт человека, как будто сошедший с зеленого пешеходного светофора. Видимо, файл таким образом все «еще шел» от отправителя.

Женщины болели за этого физкультурника как за лидера забега на длинные дистанции – будущего олимпийского чемпиона: «Давай, давай, давай!»

Внезапно на экране возникла надпись «delivered»⁴² – письмо на месте. Больше ничего не происходило. Сыпались письма и сообщения от других корреспондентов, но хозяин загадочного компьютера явно отвлекся или куда-то вышел. И не было никакой уверенности, что, ожидая его активности по ту сторону экрана, не дождешься его самого по эту.

От одной мысли, что он скоро здесь появится, чтобы прямо на их бездыханных телах «имитировать несчастный случай», обеих подружек болезненно зазнобило.

– Может, тебе эмигрировать? – придала оптимизма ситуации Розалия. – Отпуск? – вопросительно парировала реплику подруги Аня.

Они выбирались на улицу путями, к которым последний раз прибегали в далекие студенческие годы, когда как-то раз пришлось сбегать от проблем через крышу общаги.

Сейчас же это были две молодые, но солидные женщины, лязгающие по чердакам, чтобы выйти из другого подъезда... Это вызывало оторопь даже у одуревших от духоты голубей.

Впрочем, подругам было не до смеха. Доехав до дома, Роза уже начинала подозревать за собой незримое наблюдение и успокоилась лишь после изрядной порции виски. Аня не имела такой возможности и не спала почти всю ночь, чувствуя себя уязвимой даже в гостинице.

Встав с утра пораньше, она с трудом, но тщательно привела себя в порядок, готовясь к предстоящему свиданию. У нее не было ни малейшего желания его испортить, показав себя истеричкой или, чего хуже, алкоголичкой. И судя по ситуации в ресторане ей удавалось быть на высоте. Как же хорошо и спокойно теперь! «Я – молодец! Однозначно!»

Впрочем, Игоря порой было трудно понять. Тот опять копался в своем телефоне, а потом поднял глаза и совершенно неожиданно задал Ане вопрос:

– Я говорил тебе, что я профессиональный врач, как и ты? Только другой специализации. Я психотерапевт. Консультирую в различных местах: силовики, спорт, частные клиники. Словом... Выкладывай, что у тебя случилось?

Хочешь возразить, что все нормально? Так и думал. А ты заметила, что периодически берешь нож в левую руку, вилку – в правую, а потом судорожно меняешь их местами? Я специально прямо сейчас снимал все это на телефон, хочешь покажу?

К стыду своему, именно это Аня в данный момент и делала. А после его фразы еще и покраснела, окончательно запуталась в и снова переложила приборы туда-обратно. Наконец, в отчаянье просто бросила их со звоном на тарелку.

⁴² Доставлено (перевод с английского).

Слезы стояли у нее в глазах. Почти лились на щеки. Игорь молча встал, взял руку Анюты и сел уже совсем вплотную к ней с ее стороны стола:

– Рассказывай!

Разрыдавшись, Аня выложила все. Подробно. В пределах разумного, конечно. Постаралась не показаться душевнобольной. Игорь слушал внимательно. Даже слишком. И наконец сделал вывод:

– А дело-то серьезное...

Глава 7. "Гаврилов"

Гаврилов тупо смотрел телевизор. Ну как смотрел – все это он уже видел. Поэтому аккуратно переключал каналы один за другим по кругу, внимательно наблюдая за меняющейся картинкой.

Еще недавно у него их было около ста пятидесяти, а теперь, когда кабельный провайдер отключил все за долги, оставалось пятнадцать- двадцать бесплатных.

Интернета в квартире тоже уже не было, но периодически до его квартиры «добивал» приоткрытый сигнал из соседней кафе-кальянной.

Доступ к нему Гаврилов приобрел, заказав там чашечку зеленого чая – недорого обошелся этакий «безлимит», работавший, правда, только с восемнадцати вечера до трех ночи. Пока была открыта кафешка.

Слава богу, хватало и денег на телефоне по тарифу «Семейный Плюс» – ведь второй номер обслуживался бесплатно. Бывшая жена до сих пор не знала, что каждый раз докладывая деньги на собственный телефон, подпитывает и «связь» бывшего мужа.

Впрочем, золотые руки мастера давали периодический приработок – Гаврилов восстанавливал антиквариат. Покупал или находил покрытые печатью времени или неосторожного обращения стеклянные блюда.

Просверливал отверстия в самом центре и прикручивал их к серебряным, бронзовым и чугунным ножкам. Получались вполне приятные и почти старинные фруктошницы – украшение праздничного стола.

Иногда брался за штофы или флаконы из-под духов в различных металлических оплетках. Порой его прозрачные «изобретения» даже попадали в международные каталоги и специализированные книги как неожиданные авангардистские артефакты, чудом уцелевшие за все бурные прошлые года.

Гаврилов не то чтобы гордился такими имитациями, однако деньги они приносили и помогали продержаться еще месяц-другой.

Основная же страсть обитателя этой квартиры была в другом: Гаврилов пил. Уже давно. Если интересоваться, то именно сейчас – пиво. Жена ушла, забрав ребенка и всякую надежду. Впрочем, прежде всего Гаврилову была нужна дочь, а уж без надежды-то он жил уже годами и совершенно спокойно.

И непостоянные финансы, и постоянный алкоголь позволяли не искать смыслов там, где их не было. Гаврилов давно жил, если не в похмельном, то в отвлеченном мире. Собственно, жена и сломалась-то не на выпивке – кто же жил по-другому – а на его увлечении физикой и математикой.

Причем пока муж просто что-то писал и иногда выпивал – супружница как-то с ним жила. Словом, была обычная и почти счастливая семья. И вдруг Гаврилов заявляет, что времени нет, а будущего не бывает. И из института со странным названием, где он проработал многие годы, ушел.

И все показывал ей тогда какие-то формулы, из которых она смогла прочесть только его собственный, начертанный нестройным прыгающим почерком комментарий «Вот это да!» на небольшом листке рядом с жирно подчеркнутой несколько раз длинной цепочкой латинских букв, цифр и специальных математических значков.

«Вот это да!» – сказала и она, а через некоторое время забрав дочурку, прекратила общение ребенка и бывшего мужа, совсем уже плотно пристрастившегося к алкоголю. Ведь будущего, как он утверждал, не было. Ну а коли так, чего хорошего ждать от настоящего.

Скоро жена подала и на алименты, а Гаврилов уже получил несколько повесток в суд, но сам там даже не появлялся. Впрочем, периодически старался дочке на жизнь что-то подкинуть,

но это было так не регулярно и случайно, что у жены закончилось всякое терпение. А про личное общение не может быть и речи.

Ну как можно было доверить дочку такому недотепе? А организовывать им встречи в редкие минуты трезвости – только ребенка дразнить и расстраивать.

Привыкший к одиночеству Гаврилов не чурался людей, но не любил и толпу. И погода ему была по душе безлюдная. Когда падала на город гроза, Гаврилов полностью менялся. С каждым звуком грома он распрямлялся, голубовато-серые глаза его становились особо небесного цвета.

Утопающая в ливне столица могла не только утомлять, но и вдохновлять его на совсем новые идеи. Дышалось как-то особо вольно и казалось, что тебя освободили от оков жары и городского смрада. А вот зим Гаврилов не любил – они не приносили с собой грома.

Словом, особое пограничное с небом состояние вызывали именно грозы и дети. Нужно отметить, что кроме дочки, Гаврилов все-таки регулярно бывал с детьми. Хотя бы раз в месяц.

Как ни странно, но его увлечение точными науками давало ему еще одну грань для полноценной жизни – он со своими друзьями-одноклассниками помогал вещами и делами отдаленному детскому дому на краю Тульской области и огромного соснового бора.

За неделю до такого путешествия Гаврилов напрочь прекращал употреблять спиртное в любом виде, начинал усиленно бриться и регулярно питаться, чтобы не пугать и без того не очень счастливых ребят своим худосочным видом со впалыми щеками и туманным взором.

Конечно, к ребятам его возили друзья. На собственной легковой машине Гаврилов давно за ненадобностью не ездил. Впрочем, он долго не продавал ее.

Но в один прекрасный день в состоянии легкого вчерашнего «праздника» въехал на полной скорости не «в», а практически под заднюю часть большой старенькой иномарки, мирно стоявшей в ожидании «зеленого».

Прав из-за алкоголя в крови его тогда лишили, а через некоторое время вернули назад. Но не отсутствие прав стало решающим для отказа от машины.

У переднего автомобиля был разрушен бампер и сильно искорежен багажник. Через минуту после аварии из водительской двери вывалился маленький расстроенный человечек со звонкими криками «Вай-вай-вай».

Выяснилось, что горе восточного водителя не в машине – она была полностью застрахована. А вот как раз в багажнике на момент аварии находился какой-то дорогой, эксклюзивного вида унитаз, который и рассыпался в пыль.

Гибель фаянсового изделия – не раны на живом теле. Но именно этот факт неожиданной и безвозвратной утраты унитаза окончательно убедил физика: всего не предусмотреть и от всего не застрахуешься. Что и исключило наперед любое желание даже слегка подшофе придрагиваться к рулю. Ну а поскольку алкоголь и Гаврилов дружили постоянно, то и машина-то теперь вряд ли бы пригодилась.

Новой женщины у Гаврилова не было. Одной. А много и все разные. Знакомился он с ними в самых обычных местах. Особенно это хорошо получалось летом на пруду около старинной барской усадьбы.

Пейзаж захватывал любую нежную обывательницу своей пышностью и ассоциировался с непостижимостью и недостижимостью этой богатой жизни.

Впрочем, не обязательно обладать, если можно пользоваться хоть с краю. Купайся левее на берегу пруда у колоннады, и будешь чувствовать то же, что и бывший владелец всего этого великолепия, который, возможно, и кончил свою жизнь не самым лучшим образом.

А твоя-то еще с тобой. Словом, женщины здесь были самые обычные, непритязательные, но с хорошей фантазией и все больше благодарные любому такому развлечению. Не находилась только та, исключительная...

...Гаврилов дернулся и проснулся. Телевизор работал и, казалось, громкость увеличилась. Впрочем, возможны галлюцинации.

Вот и дикторша центрального канала как-то недобро посмотрела на него и что-то произнесла. Правда, Гаврилов, честно признаться, совсем ее не услышал. Видимо, поняла это и она.

Поэтому чуть наклонилась вперед, запросто вытянула руку и совсем неожиданно постучала в стекло с той стороны экрана, привлекая к себе персональное Гавриловское внимание: «Тук-тук-тук!»

Гаврилов даже удивился. Такого вида «белочки»⁴³ регулярный пациент районного нарколога еще никогда не испытывал.

– Хватит бухать, Гаврилов, пора заняться делом! – снова произнес искривленный ярко-красным нервическим контуром помады сочный рот телезвезды.

В этот момент «ящик» самостоятельно выключился, и в замусоренной квартире повисла гробовая тишина.

Гаврилов решительно отодвинул пустую посуду. Поднялся с кресла, прошел на кухню и поставил на конфорку воду для креветок.

Затем также по-деловому вернулся в комнату, пошарил рукой в промежутке между диваном и креслом и, наконец, достал новую пластиковую «баклажку»⁴⁴ пива.

Налив по самый срез стакана, Гаврилов пригубил, причмокнул и, наконец, открыл старенький и потертый ноутбук.

Аппарат поскрипывал каждой буквой, но еще держался. Пальцы умело застучали по клавиатуре. Вдохновение снова пришло к нему.

⁴³ Белая горячка.

⁴⁴ Емкость для жидкостей, фляга (устаревшее).

Глава 8. "Милый дом"

К дому приехали еще засветло. Аня так соскучилась по родным пенатам⁴⁵, что и нарадоваться не могла. А ведь еще недавно гостиница ей почти казалась их общим кровом. Да-да, «их» и «общим», потому что уже две ночи подряд она ночевала в отеле с Игорем.

Свершилось! Нелепые мысли о разводе с мужем, наконец, окончательно отошли на второй план. Но сильный страх, вызванный остальными происшествиями Анюту так и не отпустил.

Были, конечно, периоды, когда она абсолютно забывала обо всем. А потом долго лежала в полном блаженстве и безмятежности. Но не будешь же постоянно жить, вот так «отвлекая» друг друга от реальности? Или и так можно?

А еще ей начал сниться каждую ночь какой-то давящий любую надежду крошечный ужас. Это был порой темно-серый, а иногда ярко-малиновый спрут или осьминог – Аня не разбиралась в морских тварях. Особенно спросонок. Мерзость какая. Взгляд монстра был пустым и холодным.

Опираясь на толстые щупальца, как на ходули, он тянулся несколькими тонкими плетями прямо к ее шее. И одновременно подминал под себя клавиатуру чьего-то ноутбука и, нажимая на кнопки свободными отростками, старался набрать какое-то очень-очень, ну крайне важное слово, которое обязательно нужно было запомнить.

Его значение вращалось прямо перед глазами бедной женщины всю ночь, но перед самым пробуждением растворялось без следа. Брр...

Был от всего этого один плюс. Явление таких страшилищ ускоряло мысли, и Аня, пренебрегая интересами своего великого и ужасного начальника, написала заявление на очередной отпуск и купила-таки билеты в Италию.

Объяснила здоровьем, и все начальники ее вполне поняли. Правда, улететь разрешили не сразу – почти через неделю.

Но ведь Игорь тоже летит! А это уже не только спасение, но и самое настоящее амурное приключение. Курорт – это же лучшее место для развития влюбленности.

Аня всегда думала, что ведь люди-то и живут взаправду только в отпуске, а между ними лишь только их и дожидаются. Ну как с этим поспоришь?

Несмотря на пятничные пробки, их машина наконец-то подъехала к подъезду, и образ милого дома появился не только в мечтах. И даже напевающая что-то из репертуара одной примадонны и одновременно рассуждающая о пользе интегральной йоги⁴⁶ Юлия Модестовна не очень пугала сейчас Анюту.

Впрочем, бабуля с явным неодобрением отнеслась к ее спутнику и что-то прошамкала в спину. Но не очень громко, и это удивило. Впрочем, наплевать – к странностям старухи привык весь квартал.

Было еще одно неожиданное препятствие – аккуратная трафаретная надпись на дверях лифта: «На ремонте». С двумя Аниныными чемоданами и большими сумками подниматься на седьмой этаж оказалось довольно тяжело.

Зачем она решила набить эти «сундуки» под завязку? Чтобы «спасти все от влажности». Ну вот теперь все спасенное нужно было вернуть на прежние места, до которых приблизительно сто ступенек вверх. Словом, пришлось несколько раз ходить туда-сюда.

⁴⁵ Боги домашнего очага в Древнем Риме.

⁴⁶ Подход к развитию тела и души на основе йоги, созданный Шри Ауробиндо в начале XX века.

Наконец люди и вещи оказались у долгожданной двери в квартиру. В этот момент старый лифт вновь заработал. Таков уж закон подлости любого устройства спустя пятьдесят лет эксплуатации.

Аня оглянулась на своего мужчину, изрядно измученного переносом тяжестей, достала связку ключей и попыталась открыть замок. Первая дверь, открывающаяся наружу, поддалась очень легко. Да она просто была открыта!

А вот вторая – особой секретности и прочности – надежно заперта. Однако Ане показалось, что сам замок около личинки исцарапан. Кто-то пытался к ней влезть в ее отсутствие! Женщина с нескрываемым отчаяньем обернулась к Игорю.

В этот момент двери лифта открылись, и из него появились двое автоматчиков. К счастью, в форме, к несчастью – в современной. В ней Аня совсем не разбиралась. Бог их разберет эти новые казенные мундиры.

– Добрый день! – вежливо произнес один из полицейских, в черной бейсболке с кокардой в районе лба.

– Здравствуйте, мы из полиции! – кивнул второй и мельком продемонстрировал открытое служебное удостоверение с настоящей профессиональной фотографией, подходящей для большинства молодых, хорошо питающихся блондинов. – А что вы делаете у этой двери?

– Открываю, – сообщила очевидное Аня. Она немного устала от спортивных подъемов тяжестей на седьмой этаж. За последней стальной преградой ее ждал любимый диван. И все, что препятствовало ее естественному стремлению внутрь, начинало бесить.

– Н-да, странно, – со скукой заявил страж порядка. – А к нам поступил сигнал, что вы не открываете! – и он торжествующе посмотрел на Анну с такой театральной паузой, что казалось наконец нашел Самую Главную Улику, но не хотел бы рассказывать о ней всем до самого суда. Возможно и до Страшного.

Беда состояла в том, что заодно он скрывал и хотя бы какую-то элементарную логику своих рассуждений и недомолвок.

– Слушайте, у нас какой-то странный разговор, господа офицеры! – включился в дискуссию до поры молчавший Игорь, подняв звания и самооценку сержантов-автоматчиков до самых небес. – Вы нас в чем-то подозреваете?

– Мы? Пока беседуем. А можно ваши документы? – и, покуда граждане протягивали полицейскому паспорта, продолжил. – Так вот, нам стало известно, что вы прямо сейчас не открываете двери, а уже побывали внутри и набили чемоданы самыми ценными вещами.

И уже закрываете квартиру, чтобы не привлекать внимание соседей такими распахнутыми настежь воротами! Словом, выносите все, что успели собрать.

– Хотя, может быть, вызов и был ложным! – плавно подхватил рассказ его спутник, который уже нашел в документе место регистрации Ани, точно совпадающее с адресом квартиры.

– Сержант, а можно вас на секундочку? – Игорь отвел старшего горе-автоматчика в сторону, и Аня услышала только отдельные части фраз: «самому генералу», «начальник управления» и «без проблем, я тебе это обещаю».

Наконец, представитель закона и мужчина вернулись с заключительными словами: – Все свободны!

Через минуту все очутились каждый в своем мире: Аня и Игорь – в квартире, а полицейские – в дежурном «Рено». Аня даже забыла про действительно вскрытую кем-то дверь.

Однако она понимала, что заявить просто. Но тогда нужно будет рассказывать следователю все от самого «царя Гороха», а это уже совсем неразумно. Так можно наговорить изрядно много лишнего.

Дома было уже вполне терпимо. Лужи отсутствовали, атмосфера без признаков тумана, и паркет выглядел совсем подсохшим. Да и что об этом думать. Пятница подходила к концу,

а субботняя ночь только начиналась. Отчего у Ани в предвкушении чего-то совсем сладкого и красивого, словно свадебный торт, опять закружилась голова.

Слово «жуть» в этот момент приобретало исключительно позитивные оттенки. Ей было снова ужасно прекрасно и страх как здорово...

...На часах пробило около половины четвертого ночи, и Ане приснилось, что она все еще мирно спала. Именно теперь в ее комнату вошло самобытное и улыбочивое существо.

Это была старушка, казавшаяся бестелесной, с такой парящей акварельной взвесью внутри. И лишь контурами напоминавшая Юлию Модестовну.

Она подплыла к кровати так близко, что сквозь приоткрытые ресницы Аня разобрала неприметную прежде маленькую родинку около правого виска бабушки. На левом плече пенсионерки сидел, свесив длинный сложенный хвост, красавец павлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.